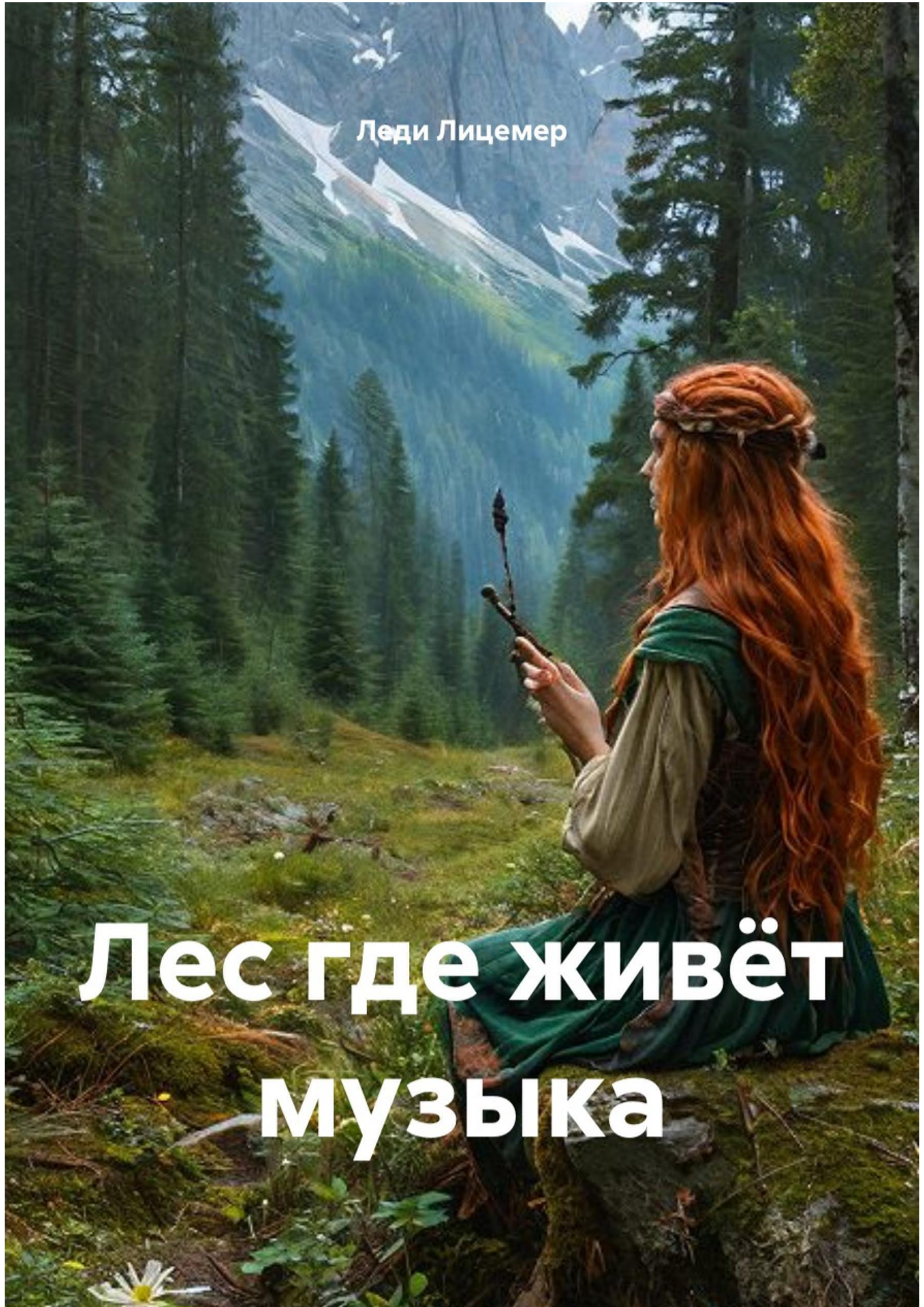

A woman with long, wavy red hair is shown from the side, looking towards a majestic mountain range. She is wearing a green dress with a brown bodice and a headband. She holds a small, dark, pointed object in her hands. The background is a dense forest of tall evergreen trees, and the mountain in the distance is covered in snow and partially shrouded in mist. The overall scene is serene and naturalistic.

Леди Лицемер

Лес где живёт музыка

Леди Лицемер
Лес где живёт музыка

«Автор»

2026

Лицемер Л.

Лес где живёт музыка / Л. Лицемер — «Автор», 2026

Робин — простой травник, живущий у подножия гор. У него есть флейта, вырезанная из старой липы, и добрая душа. Однажды в лесу он находит девушку. Раненую, почти бездыханную, с рыжими волосами и глазами, в которых плещется целое небо. Он спасает её, не зная, что она — последняя из лесных нимф, наследница самой жизни. Шестнадцать лет спустя их дочь Кьяра живёт в другой деревне. Она привыкла быть изгоем и слышать, как её называют ведьмой. Она не знает, кто она и откуда. Но лес помнит. И однажды ночью она слышит музыку — далёкий зов, который ведёт её в горы. Она не знает, что это флейта её отца. Не знает, что за ней — тайна, которая изменит всё. Дочь леса отправляется в путь, чтобы найти родителей, узнать правду о себе и доказать, что даже в самой глубокой тьме можно отыскать свет. «Лес, где живёт музыка» — история о поиске дома, о прощении, которое дарит надежду, и о том, что даже тишина может звучать, если у неё есть сердце.

© Лицемер Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Леди Лицемер

Лес где живёт музыка

Глава 1

Человек с флейтой

В краю, где горы упираются вершинами в облака, а туманы по утрам цепляются за верхушки вековых елей, пряталась маленькая деревушка. Дома в ней стояли крепкие, сложенные из серого камня и тёмного дерева, а люди жили простые и работающие. Знали они цену и тяжёлому труду, и доброму слову, и целебной мази от хвори.

И был среди них Робин — собиратель трав и древодел, парень двадцати пяти лет от роду. Светлые, точно выгоревшие на солнце волосы он вечно убирал за уши, а серые глаза смотрели на мир с таким спокойным вниманием, будто всё на свете казалось ему если не чудом, то как минимум хорошим поводом для улыбки. Он не был богатырём и не искал подвигов. Но когда Робин проходил по деревне с корзиной, полной душистой мелиссы и зверобоя, даже самые ворчливые старухи теплели лицом.

Девушки же и вовсе провожали его задумчивыми взорами. Особенно Ливетта — дочь мельника, чернобровая и статная, с глазами цвета тёмного мёда и характером, о который ломались все деревенские парни. Она привыкла быть первой — первой красавицей, первой на плясках, первой по упрямству. И каждый день, ровно в полдень, она находила повод оказаться у колодца в тот самый час, когда Робин возвращался из леса.

Но он, сам того не замечая, лишь рассеянно кивал ей и шёл дальше, думая о чём-то своём. Ливетта возвращалась домой, швыряла ведро в угол и садилась за вышивку — она вышивала удивительно тонко, но никогда никому не показывала свои работы. Стежок за стежком, она вкладывала в ткань всё, что не могла сказать словами, и запирала готовые узоры в старый сундук. «Когда-нибудь, — думала она, втыкая иголку в натянутую на пяльцы материю, — когда-нибудь он заметит».

А Робин думал о лесе. Потому что там, среди замшелых стволов и папоротников выше человеческого роста, он чувствовал себя дома. Даже больше, чем в собственной избе на окраине.

Была у него одна слабость — любил он работать с деревом. Не ради выгоды, а ради самого процесса. Вырезал ложки, миски, фигурки зверей. А однажды взял кусок старой липы, пахнущей мёдом, и выточил флейту. Долгую, гладкую, с прожилками, похожими на карту неведомых рек. С тех пор он не расставался с ней — носил за пазухой, и каждый поход в лес обязательно сопровождался музыкой.

Мелодии он не заучивал — они рождались сами. То едва слышные, как шелест травы, то звонкие, словно ручей по камням. И происходило всякий раз необъяснимое: едва флейта начинала петь, лес затихал. Умолкали птицы. Замирал ветер. А потом из чащи начинали выходить звери.

Первой всегда являлась лиса — рыжая, с белой грудкой и хитрыми янтарными глазами. Она усаживалась прямо напротив Робина, обвивала лапы пушистым хвостом и слушала, чуть склонив голову набок. Следом выходил олень — огромный, с рогами, похожими на ветви старого дуба. Он стоял поодаль, в тени, и лишь влажный нос чуть подрагивал, вдыхая запах человека и музыки. Слетались птицы, рассаживались по веткам. Даже угрюмый барсук однажды выбрался из норы и заворчал, устраиваясь поудобнее у корней.

Робин играл, а они слушали. И было в эти минуты такое согласие между человеком и лесом, что, казалось, само время замедляло ход.

В то утро всё начиналось как обычно. Солнце ещё только поднималось над горами, окрашивая снежные шапки в розовое золото. Робин накинул холщовую куртку, взял корзину, проверил, на месте ли флейта, и отправился в лес. Роса ещё не сошла, и штанины у него быстро намокли до колен. Он шёл знакомой тропой, вдыхал запах хвои и прелой листвы и ни о чём не тревожился.

На поляне — своей любимой, круглой, как блюдо, и залитой утренним светом — он сел на поваленный ствол берёзы. Достал флейту, поднёс к губам. Первые ноты сорвались робко, но быстро набрали силу. Мелодия полилась чистая, прозрачная, как горный воздух.

Лиса явилась первой, как всегда. За ней — заяц, бесшумно материализовавшийся из зарослей папоротника. С ветки спорхнула сойка, сверкнув голубым пёрышком.

А потом земля вздрогнула.

Не как при землетрясении — иначе, глубже, точно где-то в корнях мира что-то надломилось. Флейта смолкла на полужвуке. Лиса вскочила, шерсть на загривке поднялась. Олень, только показавшийся из-за деревьев, замер, раздувая ноздри. Птицы сорвались с веток разом, будто невидимая рука смахнула их с дерева.

Робин медленно опустил флейту. Сердце застучало быстрее.

Треск послышался снова — теперь ближе, за стеной кустарника. Ветки заходили ходунком. Лиса, вместо того чтобы бежать, вдруг шагнула туда, в чащу. За ней — олень. Барсук, неизвестно откуда взявшийся, тоже засеменил в ту сторону.

Робин никогда такого не видел. Животные кого-то вели.

Он поднялся, не зная, стоит ли идти следом или лучше остаться на месте. Но флейта в руке дрогнула — едва заметно, будто сама подтолкнула его вперёд.

Из кустов, спотыкаясь, вышла лиса. Она не сводила с Робина глаз и негромко, настойчиво тявкнула. Потом повернулась и скрылась обратно в зарослях. Через мгновение вернулась, и в зубах у неё был край ткани — грубой, изодранной, серой, как древесная кора.

— Что там? — прошептал Робин, хотя ответ уже чувствовал.

Он раздвинул ветки и шагнул в чащу.

Звери расступились перед ним, образовав живой коридор. Впереди, у корней огромного дуба, лежала девушка. Рыжие волосы разметались по мху, словно осенние листья. Одежды на ней почти не было — только изорванные остатки необычной, будто сотканной из тумана и паутины ткани. Кожа светилась неестественной бледностью. А на виске, прямо у линии волос, темнела глубокая рана, уже подсохшая, но явно опасная.

Робин замер. С ней определённо случилась беда. Может, нападение? Или она заблудилась в горах и сорвалась с уступа? Откуда она вообще здесь, в глухом лесу, далеко от всех троп?

Он шагнул ближе, опустился на колени. Теперь стало видно лицо: тонкие черты, ресницы, бросающие тень на бледные щёки, и губы, чуть приоткрытые в забытии. Она дышала, но дыхание было едва уловимым.

— Эй, — негромко позвал Робин. — Ты меня слышишь?

Девушка не ответила. Только веки чуть дрогнули.

И тогда случилось то, чего Робин не забудет до конца дней: лиса подошла к незнакомке и легла рядом, прижавшись рыжим боком к её боку. Олень опустил голову и почти беззвучно выдохнул, согревая её дыханием. Птицы, вернувшиеся на ветки, замерли, не издавая ни звука, словно стояли в почётном карауле.

Робин понял: это не просто раненая странница. Лес принял её. Лес просит о помощи.

Он осторожно поднял девушку на руки. Она оказалась удивительно лёгкой, почти невесомой. Голова безвольно запрокинулась, рыжие волосы заструились вниз.

— Ничего, — прошептал Робин. — Я помогу. Всё будет хорошо.

И понёс её через лес, обратно к деревне, чувствуя, как флейта за пазухой едва заметно вибрирует, точно отзываясь на неслышную мелодию.

Он ещё не знал, что несёт на руках не просто девушку. Не знал, что рыжие волосы, которые сейчас струились вниз, касаясь мха, не были обычными волосами. Не знал, что бледная кожа хранила тепло, которому ещё предстояло проснуться. И уж точно не знал, что с этой минуты его жизнь и жизнь той, кого звали Калиса, сплетутся в одну — крепко, навсегда, до самого конца.

Лес провожал их долгим, приглушённым шелестом листвы.

Робин шёл через лес, и мир вокруг него сузился до одного: до хрупкой фигуры, которую он нёс на руках. Ветки сами расступались перед ним, корни прятались глубже в землю, чтобы не заставить споткнуться. Он не замечал этого. Он смотрел только на неё — на бледное лицо с тонкими, словно прорисованными тушью, чертами, на рыжие волосы, что свисали вниз и покачивались в такт его шагам.

Дыхание у девушки было слабое, но ровное. И пока оно не прерывалось, Робин верил, что всё ещё можно исправить. Он вспоминал всё, что знал о травах: тысячелистник для остановки крови, подорожник для заживления, кора ивы от жара. Только бы донести. Только бы успеть.

Лиса бежала впереди, то и дело оборачиваясь, проверяя, идёт ли он. Олень ушёл — растворился в чаще, будто его и не было. Птицы, провожавшие скорбным молчанием, одна за другой отставали и возвращались к своим гнёздам. Лес постепенно смыкался за спиной, возвращаясь к своей обычной, скрытой от человеческих глаз жизни.

Когда впереди показались первые дома деревни, солнце стояло уже высоко. Робин ускориł шаг, почти побежал. Старый сапожник Орвин, чинивший упряжь у своего крыльца, первым заметил его и, прищурившись, крикнул:

— Робин! Что стряслось? Кого это ты несёшь?

— Девушку. Раненую. В лесу нашёл! — бросил Робин на ходу.

Орвин отложил шило и, не задавая больше вопросов, поспешил следом. К тому времени, как Робин добежал до своей избы, весть уже разнеслась по деревне. Люди выходили из домов, отрывались от работы, смотрели вслед. Кто-то ахнул, увидев бледную незнакомку. Кто-то, недолго думая, схватил с верёвки чистую простыню и понёс следом.

У порога уже стояла Грета — пожилая травница, у которой Робин когда-то учился сам. Она была сухая и крепкая, как можжевельная ветка, и лицо у неё всегда оставалось строгим, даже когда она улыбалась. Сейчас она не улыбалась.

— Клади на кровать, — велела она, распахивая дверь. — Быстро.

В избе запахло сушёными травами и деревом. Робин уложил девушку на своё ложе — грубовато сколоченное, но застеленное мягким одеялом. Грета уже закатывала рукава, осматривала рану на виске. Её пальцы двигались ловко, привычно. Робин стоял рядом, не зная, куда деть руки. Флейта за пазухой всё ещё вибрировала, но теперь едва слышно, точно затихала вместе с дыханием незнакомки.

— Глубокая, — проговорила Грета негромко. — Но кость цела. Потеряла много сил. Принеси тёплой воды и чистую ткань. И корень кровохлёбки — он в синем мешочке.

Робин кинулся исполнять.

Они работали вместе до самого вечера. Грета промыла и перевязала рану. Робин заварил отвар из липового цвета и Melissa — понемногу вливал в приоткрытые губы. Девушка не приходила в себя, но дыхание постепенно выравнивалось, а щёки из белых становились едва заметно, чуть-чуть, розовее.

За окном собралась небольшая толпа. Люди перешёптывались, но никто не лез внутрь, никто не требовал объяснений. В этой деревне привыкли доверять друг другу. Если Робин принёс раненую — значит, так надо. Если Грета взялась лечить — значит, выходит.

Ближе к закату Грета вышла на крыльцо и, вытирая руки о передник, сказала собравшимся:

— Жить будет. Кто она — пока не знаем. Но вы уж не донимайте ни её, ни парня вопросами. Придёт время — сама расскажет.

Люди закивали. Кто-то принёс горшочек мёда, кто-то — свежего хлеба. Молча оставили у порога и разошлись.

Только Ливетта задержалась у изгороди дольше других. Она прибежала, едва услышав новость, — бросила недомешенное тесто, не накинула платок, хотя ветер был холодный. И теперь стояла, вцепившись пальцами в деревянную перекладину, и смотрела на освещённое окно.

Она никогда раньше не видела эту женщину. Но одного взгляда хватило, чтобы внутри что-то оборвалось. Робин смотрел на незнакомку так, как никогда не смотрел на Ливетту. Бережно. Встревоженно. Так, будто держал в руках не просто раненую, а само сокровище мира.

Ливетта развернулась и ушла, ступая по пыльной дороге с какой-то новой, напряжённой тяжестью в походке.

— Подумаешь, — пробормотала она себе под нос. — Пришла какая-то. Рыжая. Тощая. Ничего особенного.

Но сердце её сжалось в тугую, холодный комок.

Три дня и три ночи Калиса металась между забытьём и явью.

На четвёртое утро она открыла глаза.

Робин как раз менял воду в кувшине. Обернулся на шорох одеяла и замер. На него смотрели глаза — голубые. Но не просто голубые, как небо или васильки. А такие, каких он никогда не видел: глубокие, слоистые, будто в них помещалось всё — и весенняя лазурь, и горное озеро в полдень, и что-то ещё, чему он не знал названия. Что-то древнее, как само время.

Он замер с кувшином в руках.

Девушка смотрела на него молча. Не испуганно. Не растерянно. А спокойно и цепко — так смотрит человек, который привык оценивать обстановку прежде, чем заговорить. И ещё — с каким-то непонятным, почти незаметным удивлением. Точно она не ожидала увидеть именно его. Точно ожидала увидеть что-то совсем другое.

— Ты... — выдохнул Робин. — Ты очнулась.

Она моргнула. Перевела взгляд на потолок — на грубые балки, на пучки сушёных трав, подвешенные к стропилам. Потом — на окно. На лес, темнеющий вдалеке. Что-то в её лице смягчилось.

— Ты играл на флейте, — сказала она.

Голос был негромкий, хриловатый — голос человека, который долго не говорил. Но произнесла она это не как вопрос. Как утверждение. Как будто знала.

— Да, — ответил Робин. — Откуда ты...

— Я слышала, — перебила она. — Сквозь сон. Музыка была... очень светлой. Она меня вела.

Робин не нашёлся, что сказать. Он действительно играл для неё — каждый вечер, негромко-негромко, сам не зная зачем. И вот теперь она говорит, что слышала. Что музыка вела её обратно.

Девушка прикрыла глаза. На губах её появилась слабая, едва заметная улыбка — усталая, но искренняя.

— Спасибо тебе, — сказала она. — Ты спас меня.

— Я только принёс тебя сюда, — ответил Робин. — Травница Грета рану перевязывала. И лес... лес тебя вывел. Звери.

При слове «звери» она снова открыла глаза. И в них промелькнуло что-то — не испуг, нет. Скорее, спокойное узнавание. Кивок чему-то, о чём она знала, но не собиралась говорить.

— Звери, — повторила она. — Да. Они иногда... понимают больше, чем кажется.

Робин тогда не придавал значения этим словам. Мало ли что говорит человек, только что пришедший в себя после ранения.

— Как тебя зовут? — спросил он.

Она помолчала. Совсем недолго — один удар сердца. Но Робину показалось, что в эту секунду она принимала какое-то решение. Важное.

— Калиса, — сказала она. — Меня зовут Калиса.

И больше ничего не добавила. А он не стал спрашивать.

Он вообще умел не спрашивать — это был его редкий дар, о котором он сам не подозревал. Другие на его месте засыпали бы её вопросами: кто ты, откуда, что с тобой случилось, кто на тебя напал? Робин же просто кивнул и сказал:

— А меня — Робин. Ты в безопасности. Это мой дом. Можешь оставаться здесь сколько нужно.

Калиса перевела взгляд на него — долгий, изучающий. Будто пыталась разглядеть что-то за простыми словами. И, видимо, разглядела. Потому что кивнула и закрыла глаза — уже не от слабости, а от чего-то похожего на облегчение.

— Я постараюсь не быть обузой, — прошептала она.

— Не говори глупостей, — ответил Робин и пошёл за отваром.

Он не видел, как она провожала его взглядом. Не видел, как пальцы её коснулись грубой ткани одеяла — медленно, почти нежно, точно она пробовала саму материю этого дома. Не видел, как губы её беззвучно шевельнулись, обращаясь не к нему — к кому-то далеко, кого он не знал и не мог знать.

Я здесь. Со мной всё хорошо. Не выдавайте меня.

Где-то в лесу, за много миль отсюда, старая ель чуть качнула ветвями. Лиса, лежавшая у норы, подняла голову и негромко тьякнула. Ветер прошелестел в кронах.

Лес услышал. Лес понял. Лес будет молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.